УДК 332.13:339.54

DOI: [10.14530/se.2017.4.023-040](https://doi.org/10.14530/se.2017.4.023-040)

ПОСТСОВЕТСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ НОВОГО ПРИГРАНИЧЬЯ РОССИИ В 2005–2015 гг.

Л.Б. Вардомский

Вардомский Леонид Борисович – доктор экономических наук, профессор, заведующий центром, ФГБУН Институт экономики РАН, Нахимовский пр-т, 32, Москва, Россия, 117218.
E-mail: wardom@yandex.ru.
ORCID: 0000-0002-9508-5945

Аннотация. Особенности развития приграничных территорий обусловлены, с одной стороны, их окраинным положением в государстве, а с другой – близостью к соседним странам. Исследованию этих территорий посвящено множество научных работ в России и за рубежом, преследующих разные цели и опирающихся на разные подходы и методы. Задача настоящей статьи – оценить влияние фактора постсоветской интеграции на экономический рост новых приграничных регионов России в 2005–2015 гг. Исследование показало, что это влияние было неодинаковым на разных страновых участках пояса приграничных регионов. В целом по всему поясу приграничных регионов действие фактора интеграции на их развитие к 2015 г. заметно ослабело, что объясняется макроэкономическими, геополитическими и структурными проблемами. Для развития новых приграничных регионов в этот период более значимы были положение относительно Московского региона и степень их вовлеченности в международную торговлю.

Ключевые слова: приграничные регионы, экономический рост, соседство, интеграция, внешнеторговая квота, Россия, СНГ, ЕАЭС

Для цитирования: Вардомский Л.Б. Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 23–40. DOI: [10.14530/se.2017.4.023-040](https://doi.org/10.14530/se.2017.4.023-040).

For citation: Vardomskiy L.B. Post-Soviet Integration and Economic Growth of the New Borderland of Russia in 2005–2015. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2017, no. 4, pp. 23–40. DOI: [10.14530/se.2017.4.023-040](https://doi.org/10.14530/se.2017.4.023-040). (In Russian).

О ВЛИЯНИИ ИНТЕГРАЦИИ НА РОСТ ЭКОНОМИКИ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

«Исчезающие» государственные границы по мере углубления интеграционных процессов и возникающие новые пограничные барьеры в результате распада государств или их союзов – непреходящая тема научных исследований, учитывая высокую динамику процессов регионализации и их влияние в том или ином виде на национальную экономику, включая ее пространственную структуру.

Ослабление барьерных функций государственных границ и расширение общего рыночного пространства в рамках региональных преференциальных соглашений разного типа по логике многих течений экономической мысли должны оказывать заметное влияние на пространственное развитие стран-участниц (Niebuhr, Stiller, 2002). Но, как показали предшествующие и последующие исследования данной проблематики Дж. Брекером, А. Венаблесом, Дж. Маккалумом, М. Портером, Дж. Хансоном, Д. Энгелем и другими западными учеными, это влияние имеет неоднозначный характер, поскольку свобода трансграничного движения факторов производства усиливает конкуренцию между регионами стран – участниц интеграции, которая оказывает не меньшее влияние на пространственное развитие.

Важным направлением исследований меняющейся роли соседства на уровне стран и их регионов в ходе экономической и политической интеграции и дезинтеграции стали приграничные регионы, в развитии которых преломляется динамика интеграции стран и фактор соседства.

Соседство – неотъемлемая характеристика географического положения региона, в котором синтезируются плюсы и минусы территориального соприкосновения государств и их регионов, в которых, в свою очередь, отражаются особенности политических и интеграционных отношений стран-соседей, уровни их развития, структурные характеристики экономики.

Соседство с зарубежными партнерами сказывается на развитии региона посредством адаптации его экономики к спросу стран-соседей и использованию их возможностей для наращивания производственного потенциала региона с целью увеличения предложения товаров и услуг на других рынках¹. Естественно, что в условиях интеграции границы стран-участниц все более открываются для взаимных трансграничных взаимодействий.

¹ Влияние соседства – одно из главных направлений анализа популярного ныне территориального маркетинга, который призван улавливать сдвиги в потребительских настроениях и деловую активность в ближнем пространственном окружении под воздействием спроса и предложения новых товаров, бизнес-решений, институциональных инноваций для принятия своевременных и эффективных решений по развитию тех или иных производств.

В полной мере воздействие рынков стран, участвующих в интеграции, на развитие приграничных регионов проявляется в условиях развитой трансграничной инфраструктуры, этнокультурной и институциональной близости, весомого экономического и инновационного потенциала обеих сторон и, конечно, доверительных отношений между странами-соседями. В этом случае возможно получение трансграничного материального и нематериального агломерационного эффекта, роста отдачи от накопленного в регионах капитала, формирования новой специализации и новых рынков. В целом же концепция соседства во многом тождественна концепции близости, которую в последние годы активно разрабатывают в России и за рубежом (Замятина, Пилясов, 2017). В соответствии с этой концепцией, близость к рынкам выступает в качестве естественной преференции для производителей и потребителей. Но при этом следует учитывать, что соседство – один из многих факторов, влияющих на развитие регионов стран (Кузнецова, 2014), включая приграничные.

Исследованию приграничных регионов посвящена обширная литература, в которой рассматриваются вопросы: собственно приграничного сотрудничества и его институтов; формирования трансграничных регионов и кластеров; социальных процессов в смежных регионах стран; меняющихся барьерных и контактных функций границ, трансграничной социальной коммуникации, взаимодействия «большой» межгосударственной и «малой» (трансграничной) интеграции (Kolosov, Scott, 2013).

В России и других новых независимых государствах большая часть исследований была посвящена адаптации населения и экономики нового приграничья к произошедшим геополитическим изменениям¹. Напомним, что общая протяженность новых границ составляет 12,9 тыс. км и к ним выходят 28 субъектов РФ.

В настоящей статье исследуется влияние интеграции в рамках СНГ, Союзного государства и ЕАЭС на экономический рост в новых приграничных регионах (НПР) России в период 2005–2015 гг. В этот период на постсоветском пространстве происходили большие изменения в части размежевания стран по интеграционным приоритетам, углубления евразийской интеграции, соотношения стран по масштабам экономики, исчерпания потенциала роста у сырьевой модели развития, характерной для стран СНГ и начала модернизации национальных экономик.

С распадом СССР произошла трансформация внутренних регионов страны в приграничные страны СНГ, затем в результате интеграционных процессов началась их трансформация во внутренние регионы интегра-

¹ Об этом подробнее см.: Прозрачные..., 2002; Международная..., 2007; Вардомский..., 2008; Российско-украинское..., 2011; Приграничное..., 2013; Российское..., 2016.

ционных объединений в рамках зоны свободной торговли в рамках СНГ и ЕАЭС, с 2014 г., в результате подписания соглашения Украины и ЕС об ассоциации и углубленной зоне свободной торговли, произошло преобразование сопредельных с Украиной российских областей во внешние приграничные регионы РФ. Иными словами, перепады во взаимной открытости рынков России и Украины сказывались на защитных функциях их общей границы и возможностях использования соседства как ресурса развития приграничных регионов.

СДВИГ ЭКОНОМИКИ СНГ НА ВОСТОК И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Знаковым событием на постсоветском пространстве стало более быстрое развитие государств Центральной Азии (ЦА) и Прикаспийского региона, чем региона СНГ в целом. Доля стран ЦА и Азербайджана в общем ВВП СНГ по номиналу увеличилась с 10,5% в 2005 г. до 19,2% – в 2015 г., по паритету покупательной способности – с 12 до 18,4% соответственно (табл. 1). В инвестициях в основной капитал она возросла с 16,9 до 22,6%, а в общей численности занятых в СНГ – с 22 до 25,7%¹.

Таблица 1

Изменение доли стран СНГ в общем ВВП за 2005–2015 гг., %

Страна	ВВП в текущих ценах		ВВП по ППС	
	2005	2015	2005	2015
СНГ	100,0	100,0	100,0	100,0
Россия	76,1	71,3	71,8	70,0
<i>Белоруссия</i>	3,0	2,9	3,5	3,3
<i>Украина</i>	8,9	4,9	11,1	6,6
<i>Азербайджан</i>	1,3	2,9	1,6	3,3
<i>Грузия</i>	0,7	0,7	0,7	0,7
<i>Казахстан</i>	5,7	9,9	5,6	8,9
Молдова	0,3	0,4	0,4	0,3
Армения	0,5	0,6	0,5	0,5
Киргизия	0,2	0,4	0,4	0,4
Таджикистан	0,2	0,4	0,4	0,4
Туркменистан	1,7	2,0	1,1	1,7
Узбекистан	1,4	3,6	2,9	3,7

Примечание. Курсивом выделены страны – соседи РФ.

Источники: Содружество Независимых Государств. 1991–2015 / Межгосударственный статистический комитет СНГ. М., 2016. С. 64; данные Мирового банка.

¹ Содружество Независимых Государств. 1991–2015 / Межгосударственный статистический комитет СНГ. М., 2016. С. 186, 372.

Наибольший вклад в рост доли центральноазиатских стран внес соседний Казахстан. Среди других динамичных соседей следует выделить Азербайджан. Доли Украины и России в общем ВВП стран СНГ заметно сократились. У Белоруссии она также уменьшилась, а у Грузии осталась неизменной. Ускоренный рост восточной части СНГ был связан с расширением добычи углеводородов и другого минерального сырья, а также экспортом рабочей силы из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана в РФ.

На фоне сдвига экономики СНГ в Азию у России наблюдался скорее обратный процесс: усиление европоцентричности размещения российской экономики, о чем свидетельствует увеличение доли федеральных округов, размещенных в европейской части России, в ее общем ВРП (табл. 2). В среднем более быстрое развитие Европейской России в рассматриваемый период было связано с развитием сферы услуг, разворачиванием сборочных производств и наращиванием выпуска сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Более быстрому развитию европейской части способствовало широкое соседство с ЕС, главным торговым партнером России и исторически сложившейся концентрацией внутреннего спроса в московской и петербургской агломерациях.

Таблица 2

**Изменение доли федеральных округов в общем ВРП России
(в текущих ценах) за 2005–2015 гг., %**

Федеральный округ	2005	2008	2010	2014	2015
Европейские	67,5	71,1	69,8	70,5	70,1
Уральский	17,1	14,2	13,6	13,6	13,8
Сибирский	10,8	10,2	11,0	10,4	10,4
Дальневосточный	4,6	4,5	5,6	5,5	5,7

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 / Росстат. М., 2016. С. 514–515.

Сдвиг на восток в России произошел в основном за счет дальневосточных регионов. При этом внутриматериковые регионы Урала и Сибири за 2005–2015 гг. сократили свои доли в ВРП. Пока не вполне ясно, что это: долгосрочный тренд или реакция на резкие перепады мировой конъюнктуры в производстве и потреблении топлива и сырья?

Тенденция более быстрого развития стран ЦА и Азербайджана сохранится в обозримом будущем, и экономический потенциал СНГ будет неуклонно меняться в пользу его азиатской части. Одновременно должно возрастать значение этой части постсоветского пространства для российской внешней торговли, что вполне отчетливо проявилось в рассматриваемом периоде. В 2005–2010 гг. общая доля стран ЦА и Азербайджана во внешней торговле России со странами СНГ составляла 25–27%, а в 2015–2016 гг. – 35–37%.

Но этот рост произошел на фоне серьезного спада взаимных торговых отношений РФ и СНГ в 2012–2016 гг.: с 124,2 млрд долл. до 56,7 млрд долл. В 2016 г. торговля РФ и стран СНГ по объему приблизилась к уровню 2005 г. (51,9 млрд долл.) (здесь и далее данные ФТС РФ).

Схожая динамика, но с меньшей амплитудой, наблюдалась в обороте торговли РФ и стран востока СНГ: 13,9 млрд долл. – в 2005 г., 36,8 млрд долл. – в 2012 г. и снижение до 24,3 млрд долл. – в 2015 г. и 20,5 млрд долл. – в 2016 г. При этом 65–70% этого оборота приходится на торговлю России с Казахстаном.

Минэкономразвития РФ склонно объяснять резкое падение объемов торговли в стоимостном выражении внешними факторами: падением мировых цен на сырьевые товары, санкциями и контрсанкциями, «украинским фактором», падением курса рубля и т. п. (Прогноз..., 2017). Действительно, все это имело место. Взаимный товарооборот России и Украины, достигнув максимума в 2011 г. – 50,6 млрд долл., затем начал неуклонно сокращаться: 15 млрд долл. – в 2015 г. и 10,2 млрд долл. – в 2016 г. Но «кульбит» взаимных торговых связей обусловлен не только политическими факторами. С Казахстаном явного политического конфликта нет, а взаимная торговля после стремительного роста в 2005–2012 гг. с 9,9 до 25,8 млрд долл. в 2015 г. опустилась до 15,6 млрд, а в 2016 г. – до 13 млрд долл.¹

В 2005–2015 гг. экономика России структурно хотя и менялась, но за счет либо развертывания сборочных производств, что в основном приводило к наращиванию либо импортных связей с третьими странами, либо импортозамещения, что сдерживало поставки товаров, прежде всего из стран СНГ. В связи с этим потенциал России как интеграционного ядра Евразии не рос пропорционально росту ее экономики. Одновременно экономики стран СНГ увеличивались преимущественно за счет тех производств, которые находили сбыт в третьих странах.

Экономическое лидерство России в регионе также ограничивает сильная подверженность ее хозяйства «внешним» шокам. В периоды ухудшения мировой конъюнктуры это негативно сказывается на экономиках стран-партнеров из-за падения курса рубля, соответственно спроса на их товары и рабочую силу. Темпы роста России в последние годы были значительно ниже, чем у многих ее постсоветских партнеров. Нынешнее экономическое состояние страны некоторые исследователи объясняют ее попаданием в «ловушку среднего дохода» (Дмитриев, 2015).

Либерализация взаимной торговли в виде двусторонних режимов свободной торговли, зоны свободной торговли в рамках СНГ, действующей с

¹ С 2017 г. объемы внешней торговли РФ со странами СНГ, включая Казахстан и Украину, стали расти.

2012 г., и создания в 2010 г. единого таможенного пространства в рамках ЕврАзЭС, в 2015 г. преобразованного в ЕАЭС, не смогла обеспечить устойчивый рост взаимной торговли. Его могли бы стимулировать совместные проекты, но их число довольно ограничено. В силу этого объемы взаимной торговли весьма зависят от колебаний мировых цен на биржевые товары и полуфабрикаты: «пульсирующая» динамика торговли РФ и стран СНГ тесно коррелирует с динамикой цен на нефть: 54,4 долл. за баррель в 2005 г., 121,4 долл. – в 2012 г. и 44 долл. – в 2016 г.

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ВРП НОВЫХ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Общая доля 25 НПР (без учета Чечни и Крыма) в общем ВРП России за 2005–2015 гг. увеличилась с 21,1 до 22,6%, но при этом доля соседних с Казахстаном регионов сократилась с 13,5 до 12,4%, соседних с Белоруссией – практически не изменилась, а пограничных с Украиной – выросла с 3,5 до 4,6% от ВРП РФ. За счет Дагестана доля северокавказских республик в ВРП РФ увеличилась с 1 до 1,4% (табл. 3).

Таблица 3

Доля приграничных регионов в общем ВРП России в 2005 и 2015 гг., %

Регион	2005	2015	Регион	2005	2015
Краснодарский край	2,07	2,99	Алтайский край	0,75	0,76
Самарская область	2,23	1,90	Курская область	0,48	0,51
Челябинская область	1,94	1,80	Астраханская область	0,39	0,49
Ростовская область	1,46	1,80	Брянская область	0,37	0,41
Новосибирская область	1,31	1,51	Смоленская область	0,36	0,39
Тюменская область (без округов)	2,08*	1,38	Курганская область	0,28	0,28
Воронежская область	0,74	1,26	Псковская область	0,22	0,20
Оренбургская область	1,18	1,19	Северная Осетия – Алания	0,17	0,20
Волгоградская область	1,13	1,13	Кабардино-Балкария	0,20	0,19
Белгородская область	0,80	1,05	Карачаево-Черкесия	0,09	0,10
Омская область	1,22	0,95	Ингушетия	0,04	0,08
Саратовская область	0,95	0,95	Республика Алтай	0,05	0,06
Дагестан	0,50	0,86	Всего НПР	21,09	22,56

Примечание. * Оценка автора.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 / Росстат. М., 2016. С. 514–515.

Наиболее сильно в общем ВРП России выросла доля Краснодарского края (+0,92%), хотя этот регион лишь отчасти можно отнести к числу НПР, поскольку край изначально выходил к международным водам СССР и Рос-

сии на Черном море. Тем не менее до 2014 г. регион соседствовал с Украиной по Керченскому проливу и акваториям Азовского и Черного морей, на востоке граничит с Абхазией, с новым, хотя и не вполне международно признанным государством.

У всех регионов, пограничных с Украиной, доля в ВРП РФ выросла, хотя и в разной степени, а в 2014–2015 гг. все они, несмотря на свертывание экономических и социальных связей с этой страной и стагнацию российской экономики, показали положительную динамику ВРП. Для сравнения, доли угольно-металлургических областей Украины – Донецкой и Луганской – в ВРП Украины за 2005–2013 гг. сократились довольно сильно: с 14,2 до 10,8% и с 5,4 до 3,6% соответственно. У остальных пограничных областей – Сумской, Харьковской и Черниговской – доли в ВРП Украины оставались сравнительно стабильными.

У областей, пограничных с Украиной, ВРП на душу населения был ниже, чем в среднем по России, но отношение регионального показателя к среднероссийскому за 2005–2015 гг. заметно выросло у всех, причем у Белгородской области индекс ВРП почти достиг 100% от среднероссийского уровня (445 тыс. руб. на душу населения), у Воронежской вырос с 45 до 79%, у Курской – с 58 до 67%, у Ростовской – с 48 до 62%.

Иная картина наблюдалась у регионов, пограничных с Казахстаном: за 2005–2015 гг. доля в ВРП России сократилась у Тюменской (на 0,7%), Самарской (–0,3%), Омской (–0,3%) и Челябинской областей (–0,1%), заметно выросла только у Новосибирской и Астраханской областей. Регионы «замедленных темпов роста» составляют почти сплошной пояс вдоль российско-казахстанской границы от Волгоградской до Омской области. Большинство из регионов, сопредельных с Казахстаном, в 2014–2015 гг. имели отрицательную динамику ВРП.

Похожая ситуация наблюдалась с казахстанской стороны границы: большинство пограничных областей развивались медленнее, чем страна в целом. Доли в ВРП Казахстана за рассматриваемый период существенно сократились у Актюбинской, Североказахстанской, Костанайской и Павлодарской областей.

У преобладающей части приказахстанских регионов России ВРП на душу населения также ниже среднероссийского уровня, хотя большая их часть относится к высокоиндустриальным районам страны. Но динамика индекса ВРП была различной. У ряда регионов индекс заметно прибавил: у Астраханской с 56 до 71%, Новосибирской – с 70 до 80%, у Республики Алтай – с 35 до 44%. У Алтайского края, Волгоградской, Курганской и Саратовской областей индекс увеличился незначительно, на 3–4 процентных пункта. У наиболее индустриальных регионов казахстанского сегмента индекс уменьшился, причем

больше всего у Тюменской области – со 170 до 140%, у Омской – с 87 до 70%, Самарской – с 99 до 87% и Челябинской – с 79 до 75%.

В пограничном поясе России и Белоруссии динамика ВРП Псковской, Смоленской и Брянской областей в 2005–2015 гг. была примерно такой же, как и среднем по РФ. Но индекс ВРП, благодаря сокращению населения, вырос у всех: у Смоленской области с 51 до 60%, у Псковской области – с 44 до 46%, а у Брянской области, которая также граничит с Украиной, вырос с 44 до 49%. У сопредельных белорусских областей Витебской, Могилевской и Гомельской экономика в период 2008–2015 гг. росла темпами ниже средних по Белоруссии¹.

Экономика северокавказских республик развивалась быстрее, чем в большинстве НПР, но в силу малых размеров экономики это не привело к заметному увеличению их долей в ВРП РФ. Эта группа регионов характеризуется самыми низкими душевыми показателями ВРП, но индекс ВРП у большинства из них за 2005–2015 гг. заметно вырос, составляя от 26% у Ингушетии до 42% у Дагестана. Сильно вырос индекс ВРП на душу и у Краснодарского края: 58% – в 2005 г. и 80% – в 2015 г.

В целом же за 2005–2015 гг. быстрее росла экономика НПР входящих в Центральный, Южный и Северокавказский ФО и медленнее внутриконтинентальных НПР Приволжского, Уральского и Сибирского федеральных округов. Вполне возможно, что это результат одновременного действия внутриматерикового положения и более выраженной сырьевой ориентации экономики этих регионов (Безруков, 2008, с. 248–251).

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ, СОСЕДСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ НОВЫХ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Приблизительно оценить влияние уровня интеграции на развитие НПР можно на основе показателя «внешнеторговая квота», который исчисляется как отношение объемов торговли региона с соседней страной к ВРП региона. Чем выше объем торговли и выше его доля относительно произведенной в регионе добавленной стоимости, тем потенциально сильнее соседство влияет на развитие региона. Поэтому снижение барьеров на пути товаров, услуг, людей и капиталов по мере углубления интеграции должно способствовать развитию взаимных торговых и инвестиционных связей и, тем самым, способствовать росту экономики регионов. Но практика постсоветских интеграционных проектов этого не подтверждает. Кризис во взаимных отношениях России и Украины пока не особо сдерживал экономиче-

¹ ВРП в Белоруссии рассчитывается с 2008 г.

ский рост в сопредельных НПП, а более глубокие формы интеграции в виде ЕАЭС (в период 2010–2014 гг. Таможенный союз) и Союзного государства не обеспечивали более быстрый рост приграничных регионов казахстанского и белорусского сегментов.

В определенной мере это связано со сравнительно низким уровнем внешнеторговой квоты. В целом по Украине отношение внешнеторгового оборота с ней к ВРП России за рассматриваемый период довольно сильно уменьшилось: в 2005 г. – 3,17%, 2010 г. – 3,03 и в 2015 г. – 1,40%. По Казахстану внешнеторговая квота была меньше, но более стабильна: соответственно 1,55, 1,23 и 1,46%.

В 2015 г. величина квоты у большинства НПП колебалась в пределах 1–3%, т. е. влияние соседства на их экономику было довольно слабым. В годы высокой торговли РФ с Украиной и Казахстаном (2007–2008, 2011–2013) значение квоты было в 2–3 раза выше. Более значимо фактор соседства проявлялся в Белгородской, Челябинской, Оренбургской и Ростовской областях. Именно эти регионы по величине объемов торговли с соседями и внешнеторговой квоте можно отнести к опорным базам сотрудничества РФ с Украиной и Казахстаном. Например, у Ростовской области в 2007 г. объем внешней торговли с Украиной составил 2,6 млрд долл., или 33,4% от ее внешнеторгового оборота, а внешнеторговая квота – 14,7%. В 2015 г. эти показатели равнялись 1 млрд долл., 13,8 и 5% соответственно.

Внешнеторговый оборот Оренбургской области с Казахстаном за 2005–2013 гг. вырос с 658 млн долл. до 1,7 млрд долл., но затем стал сокращаться, составив около 1 млрд долл. в 2015 г. и 0,6 млрд долл. – в 2016 г. Доля Казахстана во внешнеторговом обороте области за 2005–2013 гг. выросла с 22,9 до 38,5%, но в 2016 г. упала до 24,3%. Внешнеторговая квота была более стабильна: 2005 г. – 8,7%, 2010 г. – 8,9, 2013 г. – 7,4 и 2015 г. – 7,9%¹.

Среди НПП наиболее сильно влияние соседства проявилось в Белгородской области, что было обусловлено таким специфическим фактором, как близость Харькова – одного из крупных центров экономики, науки, образования и культуры бывшего СССР, с которым сохранились тесные экономические и социальные связи после его распада. Об этом свидетельствует рост взаимной торговли между Белгородской областью и Украиной: 1,9 млрд долл. в 2005 г. и около 4 млрд долл. – в 2013 г. В 2005 г. внешнеторговая квота достигла 36%, постепенно сократившись до 20% – в 2013 г.

Близость креативного Харькова способствовала вовлечению белгородских властей в разнообразные проекты сотрудничества двух городов, которые обрели характер приграничных. Многочисленные трансграничные

¹ Отчасти на показатели квоты повлияло падение среднегодового курса рубля, по которому ВРП пересчитывался в доллары.

связи гражданского общества и бизнеса в большой мере осуществлялись на неформальной основе. Тандем Белгород – Харьков стал важным центром коммерческих и частных транзитных сообщений, что оживило сопутствующие виды деятельности. Он превратился в фокус инноваций в трансграничных взаимодействиях, из которого они распространялись по всему украинскому сегменту НПР (Колосов, Вендина, 2011).

Превращение «Слобожанского тандема» в ведущий центр российско-украинской торговли и сотрудничества способствовало созданию благоприятной атмосферы предпринимательства в Белгородской области, которая одной из первых среди российских регионов занялась модернизацией сельского хозяйства на основе разворачивания агрохолдингов и стала обретать функции житницы Москвы и Московской области, постепенно замещая украинские поставки. И когда в силу известных событий в 2014 г. торгово-посредническая миссия области стала угасать (в 2015 г. взаимный оборот с Украиной составил 1,3 млрд долл., внешнеторговая квота – 11%), ее развитие уже в основном опиралось на агробизнес и другие сферы экономики, ориентирующиеся на рынок Московского региона. Заметим, что валовая добавленная стоимость, создаваемая в Московском регионе (Москва и область), составляет примерно четверть от ВДС РФ, что лишь немногим меньше совокупной ВДС, формируемой экономиками Белоруссии, Казахстана и Украины. Созданные для обслуживания торговли с Украиной транспортная инфраструктура и логистика стали обслуживать новую миссию Белгородской области. Схожие, хотя и менее масштабные, процессы характерны для всего украинского сегмента НПР.

Благоприятное влияние соседства на развитие экономики сопредельных с Украиной регионов объясняется рядом причин.

Во-первых, растущими объемами торговли вплоть до государственного переворота на Украине, которые значительно превышали объемы торговли регионов, пограничных с Белоруссией и Казахстаном, со своими странами-соседами.

Во-вторых, граница между РФ и Украиной из-за барьерных функций изъятия и ограничения для свободной торговли создавала шансы для развития отдельных секторов экономики в приграничных регионах, ориентирующихся на российский рынок.

В-третьих, сравнительно либеральный предпринимательский климат в российско-украинском пограничье способствовал бизнес-активности компаний и физических лиц обеих стран, которые получали возможность использовать страновые различия в уровнях внутренних цен, издержек, налогов и т. д.

В-четвертых, в российские регионы мигрировали специалисты из Украины, которых привлекали более высокие зарплаты, а после государственно-

го переворота в стране в российские области стал перетекать и украинский бизнес, который принес в российские регионы новые компетенции и новые возможности развития.

Таким образом, в приукраинских НПП развитие опиралось, с одной стороны, на расширение внешнеэкономических связей с Украиной и обслуживание транзитных потоков, а с другой – на формирование новых функций в системе межрегионального разделения труда России под влиянием внутреннего спроса и различных протекционистских практик. Иными словами, положительное действие украинского соседства на региональное развитие проявлялось посредством как расширения взаимных связей, так и ограничений в торговле. Сейчас между РФ и Украиной выросли большие геополитические барьеры для торговли, сотрудничества и социальных коммуникаций. Фактор соседства в современной ситуации оказывает тормозящее воздействие на развитие приукраинских регионов РФ. В связи с этим они будут стремиться шире использовать возможности, создаваемые ЕАЭС, близостью к Московскому региону и зарубежным рынкам в зоне Средиземного и Черного морей.

Развитие Краснодарского края, показавшего за 2005–2015 гг. наиболее высокую динамику, было связано не с особенностями соседства и торговыми связями с соседями, а с приморским положением, благодаря которому регион стал крупным центром торговли России с Турцией и средиземноморскими странами. Защитная функция новых границ позволяла развивать портово-транспортные, курортные и агропромышленные функции за счет сокращения импорта соответствующих товаров и услуг (транзитных и туристических) из Грузии и Украины. После воссоединения с Крымом край начал играть важную роль в интеграции полуострова в экономику России, что наиболее ярко олицетворяет строительство моста через Керченский пролив.

Соседство с Азербайджаном и Грузией северокавказских республик заметно не влияет на их развитие и в основном опирается на внутрироссийские факторы (внутренний спрос, федеральную поддержку республиканских проектов). Это объясняется как слабостью их экономик и низкой степенью взаимодополнения, так и транспортными проблемами в сообщении с соседними государствами. В частности, товарооборот динамичного Дагестана с таким же динамичным Азербайджаном в 2015 г. составил около 150 млн долл., или более 40% от внешнеторгового оборота региона, но всего 1,6% от его ВРП.

При довольно контактной границе, которая в условиях Таможенного союза стала «прозрачной», влияние казахстанского рынка на развитие сопредельных российских регионов в 2005–2013 гг. было заметно меньше, чем украинского рынка. Одна из причин – структурные особенности: притом,

что общая валовая добавленная стоимость НПР сопредельных с Казахстаном регионов РФ близка к объему выпуска соседней страны, они обладают однотипной экономикой с преобладанием горнодобывающей и металлургической промышленности, отраслей ТЭК и начальных переделов химического производства. В силу этого основу товарооборота составляют отрасли, выпускающие товары с низкой добавленной стоимостью, но сильно зависящие от циклических колебаний мировой конъюнктуры. Одновременно это отрасли, в которых велика доля вертикально интегрированных компаний с большим государственным участием. Новые же виды деятельности, генерирующие взаимные торгово-производственные связи, в 2005–2015 гг. в достаточном объеме не возникали. Если же и возникали, то в основном благодаря инвестициям из третьих стран, которые порождали товаропотоки иной географической ориентации.

Приграничное сотрудничество России и Казахстана опиралось в основном на взаимодействие властей разного уровня и при слабой вовлеченности в него местных и региональных сообществ. Коммерческий и частный транзит по объему был значительно слабее, чем на украинском направлении. Все это не создавало дополнительного стимула для развития приказахстанских регионов РФ.

Несмотря на участие в СНГ, ЕврАзЭС и ЕАЭС, объемы торговли НПР с Казахстаном в 2005 и 2016 гг. оказались практически одинаковыми по стоимости и по доле во внешнеторговом обороте регионов. В частности, у Самарской области в 2005 г. оборот с Казахстаном составил 272 млн долл. (3,7% во внешней торговле региона), а в 2016 г. 318 млн долл. (5,6%). У Челябинской области эти показатели равнялись около 1,5 млрд долл. (23%) – в 2005 г. и 1,4 млрд долл. (24,6%) – в 2016 г. У Новосибирской области, наиболее динамичного региона приказахстанского пояса, объем внешней торговли с Казахстаном в 2005 г. оценивался в 282 млн долл., а в 2016 г. – в 362 млн долл., причем доля страны во внешнеторговом обороте региона сократилась с 20,3 до 10,7%. Более высокая динамика Новосибирской области среди регионов данного пояса объясняется тем, что ее внешнеторговый оборот в целом за 2005–2015 гг. вырос более чем в 2 раза, в то время как у других регионов он либо сократился, либо рост был незначителен.

Определенную роль в сдерживании роста ВРП в рассматриваемых российских областях сыграла миграция бизнеса в соседние области Казахстана в связи с более благоприятным там налоговым режимом.

Инертность казахстанского фактора, несмотря на то, что соседняя страна относится к числу наиболее динамичных постсоветских стран, обусловлена замедленным ходом модернизации экономики приграничных, преимущественно сырьевых районов РФ и Казахстана, расположенных в глубине

Евразии, и ее несогласованным характером. Поэтому открытие рынков не привело к устойчивому росту товаропотоков, а евразийская интеграция не смогла в рассматриваемый период компенсировать тормозящее действие внутриматерикового положения регионов российско-казахстанского приграничья. Развитию НПП РФ казахстанского сегмента препятствовали также его удаленность от Московского региона и инерция сложившейся структуры промышленности.

Специфика регионов российско-белорусского приграничья связана с тем, оно располагается между Минским и Московским регионами. Но российская часть проигрывает белорусским регионам в активности на этих рынках. В 2016 г. на Московский регион пришлось около половины белорусского экспорта в РФ¹. В большой мере это связано с масштабной государственной поддержкой Республикой Беларусь своих производителей, в частности, сельскохозяйственной продукции и продовольствия. Российские приграничные области оказываются как бы в экономической «тени» Белоруссии. Это подчеркивает то, что их экспорт в Белоруссию в 2016 г. – 488 млн долл. – был в 2,7 раза меньше, чем импорт из нее.

Сопоставление динамики НПП свидетельствует о том, что влияние интеграции на их развитие в 2005–2015 гг. было неодинаково как во времени, так и в пространстве. В 2005–2010 гг. главным интеграционным институтом были двусторонние соглашения о свободной торговле. Важным фактором разделения приграничных регионов по степени включенности во взаимные торговые связи стали положение на главных транспортных коридорах и особые условия, в частности, близость региональных центров соседних стран. В 2010 г. началось формирование ЕАЭС, и взаимная торговля России с Белоруссией и Казахстаном стала более либеральной, но этот период совпал с началом рецессии в национальных экономиках, а затем и с украинским кризисом.

В целом с 2012 г. связанность НПП РФ с соседними странами стала ослабевать по всему периметру. В случае Украины это зависело от комбинации геополитических и структурных факторов, в случае Казахстана и Белоруссии – в основном от структурных факторов, от преобладания межотраслевых связей над внутриотраслевыми, а также от несогласованной модернизации национальных экономик и растущей роли в ней третьих стран. В силу этого снятие таможенных барьеров на российско-казахстанской и российско-белорусской границах не сопровождалось адекватным расширением рынка для производителей с обеих сторон границы. Компании стран-участниц оказались не готовы использовать новые рыночные возможности.

¹ Для сравнения: на Московский регион в 2016 г. приходилось 65% экспорта Армении в РФ, 32% экспорта Казахстана, 23% экспорта Киргизии и 29% экспорта Украины.

* * *

В целом можно назвать несколько актуальных проблем, связанных с влиянием интеграции на пространственное развитие России. Пока от этого выигрывает Московский регион, который заметно преобладает во внешне-экономических связях России с рассматриваемыми странами. От европейской интеграции также в основном выигрывают наиболее сильные города и регионы (Brakman, Garretsen, Van Marrewijk, Oumer, 2012). При этом для развития НПП РФ более значимо положение относительно Московского региона, чем относительно ближних рынков соседних стран.

В региональной политике России недостаточное внимание уделяется развитию внутриматериковых регионов, которые в среднем более удалены от крупных внутренних и международных рынков сбыта. Отставание в экономическом развитии регионов российско-казахстанского пограничья чревато их превращением в «ржавый пояс», т. е. в группу областей с устаревшей промышленностью со всеми вытекающими из этого социально-экономическими и политическими последствиями.

Для того чтобы евразийская интеграция стала весомым фактором регионального развития, нужны новые производства и новые товары взаимной торговли. Поэтому не стоит откладывать переход к проектному принципу развития ЕАЭС. Соответствующая работа начинается, но она должна проводиться более активно на уровне как стран-участниц, так и ЕЭК. В настоящее время реализуемые в странах национальные проекты осуществляются в однотипных производствах и приводят к конкуренции на общем рынке, которая нередко оборачивается использованием разного рода нетарифных методов ограничения импорта из стран-партнеров. Задача же заключается в формировании новой специализации экономик на внутриотраслевой основе с образованием трансграничных цепочек добавленной стоимости.

Наконец, усиление проектной составляющей должно иметь и региональное измерение. Пока в деятельности ЕАЭС доминируют национальный уровень и уровень субъектов хозяйствования без увязки интеграции с решением проблем развития регионов стран – членов ЕАЭС (Вертинская, 2016). Координация стратегий стран для формирования специализации в рамках новой индустриализации должна подкрепляться координацией стратегий развития регионов, прежде всего – приграничных. В рамках такой координации необходимо создавать особые зоны и территории опережающего развития в сибирских и уральских регионах РФ, в смежных областях Казахстана при ориентации на рынки ЕАЭС и всей ЦА с прилегающими районами Китая, Монголии, Афганистана и Ирана, которым нужны товары разной технологической сложности, эффективные в сочетании с дешевой рабочей силой.

Значение российско-казахстанского приграничья как потенциального ядра евразийской интеграции под влиянием происходящих на постсоветском пространстве экономических сдвигов объективно будет возрастать, и нужно создавать институциональные и инфраструктурные условия для его полного использования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безруков Л.А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии / Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН. Новосибирск: ГЕО, 2008. 369 с.
- Вардомский Л.Б.* Российское порубежье в условиях глобализации. М.: ЛИБРОКОМ, 2008. 212 с.
- Вертинская Т.С.* Концептуальные основы развития интеграционных связей на уровне регионов стран – членов Евразийского экономического союза / Институт экономики национальной академии наук Республики Беларуси. Минск: Право и экономика. 2016. 74 с.
- Дмитриев М.* Новая формула богатства: как России вырваться из ловушки среднего дохода // РБК. 2015. 18 июня. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/18/06/2015/5581596d9a794771284d8142> (дата обращения: июнь 2017).
- Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н.* Концепция близости: зарубежный опыт и перспективы применения в России // Известия РАН. Серия географическая. 2017. № 3. С. 8–21.
- Кузнецова О.В.* Типология факторов социально-экономического развития регионов России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2014. № 2. С. 3–8.
- Международная интеграция российских регионов / под ред. И.И. Куриллы. М.: Логос, 2007. 304 с.
- Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины. Доклад № 17 / Евразийский банк развития. Центр интеграционных исследований. СПб., 2013. 100 с. URL: https://eabr.org/upload/iblock/ceb/doklad_17_ru_preview.pdf (дата обращения: август 2017).
- Прогноз социально-экономического развития России на 2017 г. и на плановый период 2018–2019 / Министерство экономического развития РФ. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/2016241101> (дата обращения: январь 2017).
- Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / под ред. Л.Б. Вардомского, С.В. Голунова. М.; Волгоград: Центр региональных и трансграничных исследований ВолГУ, 2002. 573 с.
- Российское пограничье: социально-политические и инфраструктурные проблемы / под ред. В.А. Колосова, А.Б. Володина; Институт географии РАН. М., 2016. 188 с.
- Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства / под ред. В.А. Колосова, О.В. Вендина. М.: Новый хронограф, 2011. 348 с.
- Brakman St., Garretsen H., Van Marrewijk Ch., Oumer F.* The Border Population Effects of EU Integration // Journal of Regional Science. 2012. Vol. 52. Issue 1. Pp. 40–59. DOI: 10.1111/j.1467-9787.2011.00752.x.
- Kolosov V., Scott J.* Selected Conceptual Issues in Border Studies // Belgeo, 2013. No. 4. Pp. 9–21. DOI: 10.4000/belgeo.10532.
- Niebuhr A., Stiller S.* Integration Effects in Border Regions – A Survey of Economic Theory and Empirical Studies / HWWA Discussion Paper 179. Hamburg, 2002. 30 p. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/19341/1/179.pdf> (дата обращения: сентябрь 2017).

POST-SOVIET INTEGRATION AND ECONOMIC GROWTH OF THE NEW BORDERLAND OF RUSSIA IN 2005–2015

L.B. Vardomskiy

Leonid Borisovich Vardomskiy – Doctor of Economics, Professor, Head of the Center. FGBUN Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky Avenue, 32, Moscow, Russia, 117218. E-mail: wardom@yandex.ru.
ORCID: 0000-0002-9508-5945

Abstract. Features of the development of border areas are due, on the one hand, to their marginal position in the state, and on the other – proximity to neighboring countries. A lot of scientific works in Russia and abroad devoted to different purposes and based on different approaches and methods are devoted to the study of these territories. The purpose of this article is to assess the impact of the post-Soviet integration factor on the economic growth of the new border regions of Russia in 2005–2015. The study showed that this influence was not the same in different country areas of the belt of border regions. In general, the effect of the integration factor on their development by 2015 on the whole belt of border regions has weakened noticeably, which is explained by macroeconomic, geopolitical and structural problems. For the development of new border regions in this period, the situation concerning the Moscow region and the degree of their involvement in international trade were more significant.

Keywords: border regions, economic growth, neighborhood, integration, foreign trade quota, Russia, CIS, EAEU

REFERENCES

- Bezrukov L.A. *Continental-Oceanic Dichotomy in International and Regional Development*. V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS. Novosibirsk, 2008, 369 p. (In Russian).
- Vardomskiy L.B. *Russian Borderline in the Context of Globalization*. Moscow, 2008, 212 p. (In Russian).
- Vertinskaya T.S. *Conceptual Bases of Development of Integration Ties on the Regional Level the Member Countries of the Eurasian Economic Union*. The Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus. Minsk, 2016, 74 p. (In Russian).
- Dmitriev M. New Formula of Wealth: How can Russia Escape from Middle Income Trap. *RBK = RBC*, 2015, 18 June. Available at: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/18/06/2015/5581596d9a794771284d8142> (accessed June 2017). (In Russian).
- Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. Concept of Proximity: Foreign Experience and Prospects of Application in Russia. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya = Regional Research of Russia*, 2017, no. 3, pp. 8–21. (In Russian).
- Kuznetsova O.V. Typology of Factors Governing the Social-Economic Development of Russian Regions *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5. Geografia = Moscow State University Vestnik. Series 5. Geography*, 2014, no. 2, pp. 3–8. (In Russian).
- International Integration of the Russian Regions*. Edited by I.I. Kurilla. Moscow, 2007, 304 p. (In Russian).
- Cross-Border Cooperation of Regions of Russia, Belarus and Ukraine. Report No. 17*. EDB Centre for Integration Studies. Saint Petersburg, 2013, 100 p. Available at: https://eabr.org/upload/iblock/ceb/doklad_17_ru_preview.pdf (accessed August 2017). (In Russian)

- The Forecast of Socio-Economic Development of Russia until 2017 and Planning Period of 2018–2019*. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Available at: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/macro/2016241101> (accessed January 2017). (In Russian).
- Transparent Border. Security and Cross-Border Cooperation in the Area of the New Border Territories of Russia*. Edited L.B. Vardomskiy, S.V. Golunov. Moscow – Volgograd: Center for Regional and Transboundary Studies of Volgograd State University, 2002, 573 p. (In Russian).
- Russian Borderlands. Socio-Political and Infrastructural Problems*. Edited by V.A. Kolosov, A.B. Volodina. Moscow, 2016, 188 p. (In Russian).
- Russian-Ukrainian Borderland: Twenty Years of Separated Unity*. Edited by V.A. Kolosov, O.I. Vendina. Moscow, 2011, 348 p. (In Russian).
- Brakman St., Garretsen H., Van Marrewijk Ch., Oumer F. The Border Population Effects of EU Integration. *Journal of Regional Science*, 2012, vol. 52, issue 1, pp. 40–59. DOI: 10.1111/j.1467-9787.2011.00752.x.
- Kolosov V., Scott J. Selected Conceptual Issues in Border Studies. *Belgeo*, 2013, no. 4, pp. 9–21. DOI: 10.4000/belgeo.10532.
- Niebuhr A., Stiller S. *Integration Effects in Border Regions – A Survey of Economic Theory and Empirical Studies*. HWWA Discussion Paper 179. Hamburg, 2002, 30 p. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/19341/1/179.pdf> (accessed September 2017).